



### Ариф АРШАД

*Писатель-публицист, член Союза писателей Азербайджана и Объединения прозаиков Евразии, лауреат премии СМИ "Золотое Перо", лауреат премии Президента Азербайджана*

Мой путь домой пролегал мимо школы: именно рядом с ней в один из обычных дней мое внимание привлек подросток, который, подпирая спиной дерево, плакал навзрыд. В его плече было столько отчаяния и обиды, что я не смог пройти мимо школьника с портфелем в руках, одетого в черно-белую традиционную форму учащегося начальных классов. Подошел к нему, погладил по голове, спросил, почему он плачет. В ответ раздался еще более громкий плач и протяжные всхлипывания-передыхи. На мгновение плач затих, мальчик попытался что-то мне сказать, но его одолела икота. Я взял его за руку, направился с ним к одной из ближайших скамеек, где сел сам, потом усадил рядом и его. Достал из кармана свой носовой платок, тщательно вы-

тер лицо, терпеливо стал ждать, когда икота спадет, и он сможет что-то мне сказать. Через несколько минут, видно, сама икота, уставшая от прыжков на белый свет, освободила горло мальчика, и он успокоился. Я поинтересовался его именем.

- Имя?.. Меня зовут Фамиль. - Икота в последний раз дала о себе знать.

- И почему же ты плачешь, Фамиль? Кто-то обидел тебя?

Фамиль отрицательно завертел головой:

- Нет, меня никто не обижал.

- Тогда почему ты плачешь? Неужели "двойку" получил на уроке?

- Нет, сегодня я получил 2 звезды по предметам. Вот только... Брюки у меня прорвались. Потому и плачу...

Сказав это, Фамиль потупился, затем медленно проведя ладонью по брюку от пояса вниз, засунул свою маленькую пятерню в достаточно длинный разрез на коленке.

- После уроков с одноклассниками остались на школьном дворе, начали играть в пятнашки. Я бежал, случайно споткнулся, упал. Встал - вижу брюки порвались, а на коленке ранка и кровь.

Я нагнулся, посмотрел на его коленку, краснеющую из прорези на брюках, улыбнулся:

- Всего-то?! Ты же мужчина, мужчине негоже плакать. За пару дней заживет.

- Да я не из-за коленки, - несколько обиженно ответил Фамиль. Мол, взрослый дядя, а таких простых вещей не понимает. - Порванные брюки. Мама меня будет ругать...

"Да, брюки - не колено", - с иронией подумал я, совершенно забыв, что я сам, да и мы все, в тепер уже далеком детстве попадали в такие ситуации. Но надо было успокоить, а лучше воодушевить, обнадежить Фамиля. По-

# ПОРВАННЫЕ БРЮКИ



тому, снова погладив его по голове, как можно спокойным голосом сказал:

- Не будет тебя мама ругать: ты же не специально порвал их... А папа тебя обязательно поймет, наверное, новые брюки тебе купит.

Фамиль, будто стыдясь, тихо произнес:

- У меня папы нет. Папа погиб как шехид, когда мне было 4 года. Был бы он жив - я не плакал. - замолчал, вспоминая что-то. Затем, более оживленнее: в его голосе мне послышались, радостные нотки, - мама говорит, что папа очень любил меня. Брюки эти папа покупал. Чтобы я их надел, когда пойду в школу. - Остановился, чтобы втянуть носом скользящие к верхней губе нюни, продолжил, - когда вырасту, стану солдатом! Убью тех, кто убил моего отца!.. Если бы он был жив, то купил бы мне новые брюки.

Последняя фраза подростка независимо от меня задела спрятавшуюся в глубине моей памяти, обросшую мхом лет, поступков и дел, струнку. Она чувствительно кольнула меня в сердце, и я вспомнил случившуюся со мной историей 50-летней давности...

...В семье нас было 2 брата. Как старший из братьев, я первым переступил порог школы. Родители специально к 1 сентября купили мне белую сорочку, черные брюки, носки в тон, туфли и школьный портфель. Вяли, мой младший брат, увидев, как под придирчивыми взглядами родителей я облачился в новый для меня наряд, стал приставать к маме купить ему такой же. И как-то, после его очередного плаксивого и нудного приставания к маме, она подвела Вяли к самокату, стоявшему в коридоре:

- С этого дня этот самокат - твой! Через 2 года, когда пойдешь в школу, тебе тоже купим школьную форму.

Я выразил свое недовольство:

- Мама, а я больше не буду ездить на самокате?

Мама строго:

- Нет, не будешь! Ты уже ходишь в школу. Должен делать уроки, следить за своим внешним видом. Кончилось твое время гонять по двору самокат.

Мне стало обидно, я насунил брови. Вяли же, реагируя на мое настроение и сделав определенные выводы, с надеждой и радостью в голосе спросил:

- Мама, получается, когда я пойду в школу, Али свою форму мне отдаст, да?

Только ради успокоения малого мама коротко, утвердительно кивнула. Что еще больше воодушевило Вяли: он протянул руку к моим брюкам:

- Смотри а, не порви. Они - мои! Словом, с 1 сентября я начал ходить в школу. Этот день знаменателен еще и тем, что с момента начала моей школьной Одиссеи я и брат стали завистниками. Его зависть съедала всякий раз, когда он присутствовал при процедуре переодевания в школьную форму. Я же исходил слюнами зависти, когда, возвращаясь со школы, видел Вяли на самокате, несущемся по двору или слетающим с природного холмика, толстой лепешкой спрятавшейся за дворовой беседкой.

В один из таких дней, ближе к вечеру, во дворе я поманил Вяли, делающего на самокате круги вокруг сосед-

ских девчушек, играющих в классики, начал его уговаривать елеинным голосом:

- Ай Вялишка, братик, знаешь, как я устал? Знаешь, как трудно учиться!? Дай я сяду на самокат, а ты толкай меня сзади. Потом я тебя покатаю.

- Нет, я сам устал. Не буду толкать. В этот момент мама, находившаяся на балконе, заметила меня, окликнула:

- Али, иди наверх! Пообедаешь, потом выйдешь на двор. Но сначала - переодеешься: твоя одежда не для самоката. Быстренько, жду!

Я постарался ее успокоить, заверив:

- Я же не катаюсь на самокате!.. Сейчас приду.

Подождал, пока мама не зашла в комнату, подошел и отнял у малого самокат. Одну ногу, согнув в колене, приставил к деревянной "рулевой колонке" самоката, второй начал сильно отталкиваться от земли. Понесся по двору, увеличивая скорость, не совсем верно рассчитав поворот, самокат выскочил из моих рук - и в сторону, а я по инерции, упав, проехал на коленках не больше полуметра. Но и этого хватило, чтобы обе мои коленки, прикрытые минуту назад брюками, шершавыми на свет. Досталось и манжетам рубашки, которые при моем падении, соприкоснувшись с асфальтом, вмиг вздохнулись у запястий. Позади меня раздались и начал заливать по нарастающей все находящиеся на дворе уши детей рев. Он мог принадлежать только Вяли. На его неутраченный непрерывный, ревуший плач на балконы выскочили почти все жители нашего дома. Среди них и моя мама, сверху вниз с беспокойством оглядывающая двор. Вяли, стоявший с поднятой к балкону нашей квартиры головой, не прекращая ни на минуту реветь, пуская слюны и растирая глаза, донес до мамы трагическую для него весть:

- Ма-ма, ма-ма... Али мои брюки порваааат!

Я, недолго думая, рванул в подъезд, прыгая через 1-2 ступени, вознесся на площадку 3-го этажа и с ходу чуть не влетел головой в живот мамы, уже поджидавшей меня у дверей нашей квартиры.

Остановился, тяжело дыша после стайерского рывка, опустил голову, готовый принять из рук мамы любое наказание. Мама окинула меня всего взглядом, потрясла немного за плечо, повышенным тоном спросила:

- Разве я не сказала тебе переодеться?! В каком виде ты завтра пойдешь в школу?! Вижу - не впрок тебе новая одежда. А ну-ка, снимай ее, да побыстрей!

В страхе от маминого голоса я стремглав разделся-разулся, протянул маме брюки, рубашку, подвинул к ней носком ноги туфли. Мама все так же грозно:

- Носки, майку... Все снимай!

Сделав и это, я остался в детских, болтающихся трусиках, собравшихся гармошкой по внешней стороне бедер. "Неужели...", - не успев предположить я, как мама повелела, к моему ужасу, скинуть и трусики.

Быстро, автоматически я сделал и это. Мама, оставив меня стоять нагишом на площадке, прошла с охапкой моей одежды вглубь коридора, захлоп-

нула за собой дверь. На площадке безмолвно остались я, три другие двери, считая и нашу... Прошел час, два... а, может, так мне показалось?.. Открылась-таки родная дверь, и мама с порога:

- Вот теперь можешь пойти и сколько тебе угодно носиться на самокате. Ничего на тебе не порвется. - И снова закрыла дверь.

Я сел на ступеньки лестницы, ведущей вниз с нашей площадки, только собрался подумать и найти выход из этого положения, как снизу послышались быстрые, легкие шаги. Взглянув в пространство между пролетами лестницы, увидел и узнал одноклассницу Ираду, живущую несколькими этажами выше меня. Я в панике оглядел площадку, увидел у двери нашей квартиры старый влажный мешок из-под муки, постеленный мамой в качестве половика, стремглав подскочил к двери, влез в эту хламиду, занял прежнее место, придав лицу глубоко задумчивый вид. Ирада, несколько удивленная, оказавшись на ступеньке, которую я занял ближе к стене, так ничего не спросив о моем внешнем виде, попросила объяснить непонятные ей несколько картинок из "Азбуки". Я взялся помочь Ираде с охоткой, мы так увлеклись, что в результате не заметили, когда мой папа, вернувшийся с работы, увидев нас на ступеньках, стараясь не помешать нам, неслышно подошел и с интересом стал наблюдать за нами. Мягкий голос папы заставил нас поднять головы:

- Почему вы здесь сидите? Можно же зайти в квартиру... Али, а ты почему надел на себя мешок?

Я не знал, что ему ответить, замешкался, а папа, не дожидаясь моего ответа, прошел мимо нас к двери, нажал кнопку звонка. Мама открыла дверь, пропустила папу, закрыла за ним. До меня донеслись приглушенные дверью голоса родителей, потом их смех, но я, не особо задумываясь над этим, вернулся к объяснению картинок Ираде. Спустя какое-то время мои "занятия" с одноклассницей закончились: ей все стало понятно, и она, поблагодарив меня, поднялась к себе в квартиру. Я услышал, как Ирада позвонила в дверь, затем открылась и закрылась дверь. Почти тут же за этим распахнулась дверь нашей квартиры, и папа позвал меня домой. Услышал голос мамы, ответившей "хорошо" на какую-то просьбу папы, прошел в ванную комнату, куда рукой указала мне мама. Искупав меня, мама занесла в ванную комнату мою домашнюю одежду. Я переоделся, начал делать домашнее задание. В тот вечер меня не покидало непонятное чувство беспокойства, которое, по всей вероятности, трансформировалось в странный сон, увиденный мною. Я иду в школу в брюках, сшитых из того самого мешка. Я вскопчил в ужасе, опять рухнул в постель, и так, ворочаясь, в видении снов с разнообразными сюжетами прошла моя ночь.

Утром мама стала надевать на меня новые черные брюки и белую рубашку, купленные накануне папой - вот куда он уходил вечером! Я был одновременно и смущен, и счастлив, но ни с чем не сравнимым светилось радостью лицо Вяли. Не дожидаясь, когда мы вместе

выйдем из дома, он, прихватив самокат, все с тем же радостным лицом выскочил во двор. Выйдя из подъезда, я увидел брата, пускающего свой самокат по всему нашему придомовому двору, но, не задерживаясь, побежал в школу...

...Голос Фамиля вернул меня к действительности:

- Я домой пойду, дедушка. Спасибо. Я, боясь не опоздать за пострелом, встал, взял его за руку:

- Я пойду с тобой. Фамиль с интересом посмотрел на меня:

- Зачем? Я знаю дорогу домой, не волнуйся, дедушка, - не потеряюсь. Я рассмеялся:

- Ты против гостей?

Оставив мой вопрос без ответа, Фамиль широкими шагами припустил по дороге. Мне пришлось приспособиться к его темпу: немного начал задыхаться, но было терпимо. На подходе к многоэтажке Фамиль показал рукой застекленный балкон на 1-м этаже:

- Смотри - мы здесь живем. Мама сейчас на работе, дома - бабушка. Будет ругать меня за порванные брюки... Бабушка очень любит меня... Дедушка, а как тебя зовут?

Я развернулся к нему лицом, высвободил свою руку из его руки, подал правую для рукопожатия, и когда его ладошка оказалась в моей ладони, несколько крепче, чем надо бы, сжал, представился:

- Меня зовут дедушка Али. Или домой, а вечером я с внуком зайду к вам в гости.

Мы расстались, я не торопился уходить: удостоверился, что Фамиль зашел в свой подъезд, развернулся и зашагал в местный универсам. Там я купил для Фамиля школьную пару - черные брюки и белую сорочку...

Ближе к вечеру я со внуком стоял у двери квартиры, где жил Фамиль. На наш звонок дверь открыла молодая, не по годам седающая женщина. Опередив ее вопрос к незнакомым людям, стоявшим на пороге, Фамиль, тоже выскочивший в коридор, увидел меня и, не скрывая радости, застрекотал:

- Мама, я же говорил тебе, что дедушка Али придет, а ты не верила!

Мама Фамиля приветливо поздоровалась с нами, пригласила зайти. В большой комнате на диване сидела пожилая женщина, бабушка Фамиля, с порванными брюками на руках, которые она пыталась залатать. При виде нас она встала, чтобы приготовить гостям чай, но я попросил ее не беспокоиться. Положил рядом с ней на диван пакет, принесенный мною, вызвавший немой вопрос у женщины, поспешил объяснить:

- В пакете мой маленький подарок Фамилю. Прошу вас принять его. Но главная цель нашего визита другая. Для меня честь выразить вам обоим свою глубокую признательность за сыновей, которых вы вырастили.

Уже на улице, отдаляясь от дома, где я с внуком побывал, нарушая все приличия, я оглянулся. На застекленном балконе 1-го этажа, прислонив лоб к окну, стоял Фамиль, махавший рукой на прощанье...